

Глава 10. Дела давно минувших дней

Каким человеком он был на самом деле?

Бай Юйтан не раз задавался этим вопросом. Раньше они не были знакомы лично, и Пятому господину оставалось лишь строить догадки, опираясь на внешние проявления и слухи. Чжань Чжао всегда хранил на лице легкую улыбку — порой едва заметную, а порой исполненную глубокого, скрытого смысла.

Но как бы Юйтан ни старался воскресить в памяти детали, перед глазами всплывали лишь обрывки образов. Не находя иных зацепок, он порой начинал сомневаться: не слишком ли опрометчиво называть «самым близким человеком» того, кого, по сути, совсем не знаешь? Ради этого человека он, гордый и своенравный Бай Юйтан, был готов поступиться собственным высокомерием.

За последние два года сомнения посещали его тысячи раз, но всякий раз он отбрасывал их. Мысли о Чжань Чжао стали его наваждением.

Бай Юйтан усмехнулся. Глядя на суету в Кайфэнской префектуре, он чувствовал небывалую легкость на душе. Наконец-то он его нашел. Кто бы мог подумать, что судьба столько раз сталкивала их, лишь для того, чтобы они прошли мимо? Когда-то Остров Пустоты отправлял своих представителей на собрания героев боевых искусств, но Бай Юйтан, убежденный, что «Южный герой» непременно там будет, демонстративно оставался дома. Тогда само имя Чжань Чжао вызывало у него необъяснимую неприязнь — детское упрямство, не иначе.

И всё же они встретились. Поток времени не развел их окончательно, подарив шанс идти плечом к плечу.

Говорили, что Кайфэнская префектура — «ведомство чистой воды», честное и небогатое. Однако, будучи столичным судом под самым боком у императора, она не выглядела жалкой. Управа была обставлена со вкусом и даже изяществом — оставалось лишь гадать, чей тонкий глаз приложил к этому руку.

Ночь сгустилась над городом, но Чжань Чжао так и не вернулся.

Безмятежность, владевшая Бай Юйтаном, растаяла вместе с последними лучами заката. Он глубоко нахмурился. Куда же запропастился этот Чжань Чжао? Почему его нет так поздно?

Юйтан затаился в кроне дерева. Прежде чем он успел облечь своё недовольство в слова, ночной воздух принес тонкий, едва уловимый аромат белой груши. Шаги были легкими, почти невесомыми — так мог ступать только мастер, в совершенстве владеющий искусством легкости.

Наконец-то. Пятому господину не пришлось ждать вечно.

Он перестал хмуриться и дерзко улыбнулся. Бай Юйтан мигом забыл, что просидел в засаде с самого вечера.

— Кто здесь?

Голос Чжань Чжао прозвучал прохладно, с едва заметной ноткой отчуждения. Это вызвало у Юйтана двойное чувство: с одной стороны, ему не нравилось, когда с ним говорили в таком тоне, с другой — было приятно знать, что Чжань Чжао так холоден с незнакомцами.

— Твой Пятый господин Бай.

Тон Юйтана был вызывающим и надменным. Бросив эти слова, он с жадным любопытством принялся ловить малейшие изменения в лице собеседника.

Может быть, Чжань Чжао и не подозревал, что перед ним тот самый юноша, с которым он когда-то столкнулся в поселении Мяо. Так же, как и сам Юйтан долго не догадывался, что юноша в голубом и есть Чжань Чжао. Сколько встреч было упущено! А может, какой-то случай уже открыл Чжань Чжао правду? Тогда всё стало бы гораздо проще.

Бай Юйтан перебирал в уме возможные реакции, но действительность, как всегда, оказалась иной.

Оказавшись лицом к лицу с незваным гостем, Чжань Чжао окинул его долгим, внимательным взглядом с головы до пят. А затем произнес фразу, которая больно уколола Пятого господина в самое сердце. Голос Чжань Чжао был ровным и совершенно бесстрастным:

— Кто вы, сударь? И по какому праву врываетесь в Кайфэнскую префектуру под покровом ночи?

«Ты смотрел на меня так долго только для того, чтобы спросить, кто я такой?»

Бай Юйтан вспыхнул от гнева. Позабыв о всякой осторожности, он резко захлопнул веер и ткнул им в сторону Чжань Чжао:

— Раз уж ты посмел принять титул Императорского Кота, должен был догадаться, что Пять крыс острова Сянькун не оставят это просто так! Ты...

— А кто такие эти «Пять крыс»?

Услышав это, Бай Юйтан вспомнил слова своего Третьего брата. Сюй Цин как-то обмолвился, что этот страж даже о собственных прозвищах не особо осведомлен, что уж говорить о чужих. Юйтан поморщился и процедил:

— Неважно. Тебе довольно знать, что титул Императорского Кота — это оскорбление для нас, Пяти крыс острова Сянькун. И отныне я, Бай Юйтан, стану твоим сущим кошмаром!

***

Это выглядело опрометчиво. По крайней мере, со стороны.

Когда клинок Чжань Чжао с легкостью перерубил саблю Бай Юйтана, тот на мгновение опешил. Он и не предполагал, что меч противника окажется настолько грозным.

Оружие в руках Пятого господина не было заурядной железкой, но, как говорится, на каждого умельца найдется мастер, а на каждый добрый клинок — божественное творение. Когда Чжань Чжао в пылу схватки бросил: «Это Цзюйцюэ», Юйтан лишь пренебрежительно хмыкнул.

Что такое Цзюйцюэ? Древний меч из черного золота, выкованный великим мастером Оу Ецзи еще в эпоху Сражающихся царств. Пусть он и не стоял в одном ряду с легендарным Мечом Сюаньюань Сяюй, но всё же по праву считался священной реликвией. Как такое сокровище могло оказаться у простого стража? Неужели предки Чжань Чжао были лично знакомы с древним кузнецом?

Впрочем, догадки оставались догадками. Ясно было одно: черный меч в руках Чжань Чжао на голову превосходил хваленую саблю Бай Юйтана. Разрыв был очевиден — противник перерубил сталь почти без усилий.

Бай Юйтан перевел взгляд с обломка в руке на вторую половину сабли, лежащую в пыли. В душе шевельнулась обида.

Мало того что Чжань Чжао его забыл, так еще и оружие испортил! Юйтан обиженно надулся, не проронив ни слова, но вся горечь была написана у него на лице. Хотя в глубине души он понимал: винить Чжань Чжао глупо. Против Цзюйцюэ не устоял бы ни один обычный клинок, приложи хозяин хоть каплю силы.

— Ты у меня еще попляшешь!

Похоже, Чжань Чжао так и не понял, что означала мина Бай Юйтана. Он лишь застыл в недоумении, глядя на гостя. Ощувив раздражение, Юйтан топнул ногой и, не оборачиваясь, бросился прочь.

Однако это было лишь игрой. Стоило ему скрыться из виду, как он невольно улыбнулся. До его

слуха долетел растерянный возглас оставшегося позади Чжань Чжао:

— Брат Бай...

***

Чжань Чжао, в сущности, был удивительно простодушен.

Бай Юйтан сидел в трактире. Перед ним стоял кувшин «Дочери Красной» восемнадцатилетней выдержки — его любимое вино.

Он задумчиво покачал чарку, но так и не притронулся к напитку. Словно хмель уже ударил ему в голову, Юйтан продолжал блаженно улыбаться. Вечер прошел не зря.

Чжань Чжао вовсе не собирался ломать его саблю — Бай Юйтан сам подставил её под удар.

Наверное, бедняга-страж сейчас ломает голову, гадая, что это было. Решит небось, что незваный гость просто испытывал его мастерство, и не догадается, что Юйтан намеренно подставил клинок под его меч.

Бай Юйтан был слишком искушенным бойцом, чтобы не признать ценность чужого оружия. Даже не зная имени меча, он сразу понял: его сабле против него не сдюжить. Юйтан не ведал, как к Чжань Чжао попало такое сокровище, но рассудил здраво: если его оружие падет от руки стража, тот волей-неволей его запомнит.

Маленькая хитрость, чтобы заставить Чжань Чжао крепко-накрепко заучить имя того, кого он должен был помнить еще два года назад. Конечно, Чжань Чжао со временем догадается, что это была подстава. Но не сейчас.

Сабля? Подумаешь. Пятый господин Бай не привык дорожить такими поделками. Вот если бы речь шла о самом Чжань Чжао... Впрочем, это лишь мечты.

Вещь живет в руках хозяина долго лишь тогда, когда она — или тот, кто её подарил — занимает в сердце особое место. Иначе даже самый лучший клинок рано или поздно будет забыт.

Бай Юйтан сменил столько сабель, что и не упомнить, но лишь ту самую первую, затупившуюся тренировочную шпагу он не в силах был выбросить, хоть она давно не годилась для боя.

Интересно, как долго этот хваленый Цзюйцюэ служит Чжань Чжао? Есть ли в нем какой-то особый смысл?

Если нет, Бай Юйтан был не прочь прибрать его к рукам. И вовсе не из-за славы легендарного клинка, а просто потому, что его когда-то сжимала ладонь Чжань Чжао.

Но обида за то, что его забыли, всё еще саднила. Как можно было забыть? Юйтан не понимал. Он уже убедился, что Чжань Чжао бывает поразительно невнимателен — не знает собственных прозвищ, не слышал о чужих... Но неужели можно вот так запросто вычеркнуть из памяти того, кто тебя поцеловал?

Это злило. Неужели для него подобные вещи — обычное дело, к которому он привык до бесчувствия?

Бай Юйтан гордился своей внешностью и был уверен: его не так-то легко забыть. Так почему же Чжань Чжао не узнал его?

В душе Юйтана словно копошились сотни муравьев — сравнение не самое благородное, но оно точнее всего передавало его состояние.

В конце концов он решил сначала отправить письмо на Остров Пустоты, чтобы успокоить братьев и невестку. Заодно нужно было всё объяснить Четвертому брату: возвращаться домой он пока не намерен. И неважно, в пути ли уже братья, спеша в Кайфэн предотвратить беду, или еще только советуются на острове.

Пока Бай Юйтан выводил иероглифы, его братья действительно были уже на полпути к столице. На Острове Пустоты осталась лишь Минь Сюсю. Именно в её руки и попало это письмо.

Увидев, что пишет Пятый младший брат, Минь Сюсю без зазрения совести вскрыла конверт. Так секрет, который Бай Юйтан хранил два года, перестал быть тайной.

Божественный лекарь Минь долго сидела у стола, подперев щеку рукой и глядя на письмо.

— Да-а... — прошептала она самой себе. — Дело принимает серьезный оборот.

И впрямь, дело было ох какое непростое.

<http://bllate.org/book/17405/1657235>